

ИСТОРИЯ

*Валентина Ивановна СЕМЕНОВА —
доцент кафедры истории и музееведения
Тюменского государственного
института искусств и культуры,
кандидат исторических наук*

УДК 903 (571. 12)

УНИВЕРСАЛИИ ТРАДИЦИОННОЙ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОДА (ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена применению структурно-семиотического метода при исследовании погребально-поминального обряда по археологическим источникам.

The author employs structural-and-semiotic method to research funeral rituals on the basis of archeological data.

Погребально-поминальный обряд принадлежит к фундаментальным основам человеческой культуры, его формирование шло вместе с развитием первых представлений людей о мире. Главными источниками для изучения древних погребально-поминальных обрядов являются археологические памятники, информационный потенциал которых зависит от методов, применяемых при их исследовании. Во второй половине XX в. в археологии стали использовать формально-статистические методы, описывая элементы погребального обряда в точных терминах по специально разработанным программам [1]. В 1980-1990-е гг. В. С. Ольховский продолжил работу по уточнению содержания основных терминов («погребальный памятник», «погребальный обряд» и др.) и рассмотрел структуру погребально-поминального обряда. По его мнению, погребальный памятник — это конечный продукт, вещный результат погребального ритуала, специально оформленное место захоронения людей или животных [2]. В. С. Ольховский отнес погребально-поминальный обряд к религиозно-мифологическому блоку в системе идеологии и выделил в нем семантический, процессуальный и практический уровни, в разной степени отраженные в погребальном памятнике [3]. Погребально-поминальный обряд он определил как совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку в процессе подготовки, совершения захоронения умершего и в течение определенного времени после захоронения с пропициально-мемориальной целью [4]. Статья В. С. Ольховского подвела теоретическую базу для использования в археологии структурно-семиотического метода.

С точки зрения семиотики любая система предполагает наличие структуры, представляющей собой типы отношений, на основе которой сочетаются друг с другом единицы определенного уровня [5]. Элементы структуры выступают как знаки. Стоявший у начала семиотики американский математик Ч. Пирс (1839-1914) считал, что знак (репрезентант) замещает объект и создает в уме человека эквивалент (интерпретант). Замещение может идти путем отсылки к идее (основанию репрезентанта). Отношения знак-объект (обозначающее и обозначаемое), Ч. Пирс рассматривал в трех аспектах — использования знаков-подобий (икон), знаков-указателей (индексов) и условных знаков (символов). Знак несет в себе сущность, суждение, передающее информацию (дизайн) и аргумент, через который идет объяснение объекта [6]. Немецкий логик Г. Фреге (1848-1925) считал, что каждый знак может иметь разные значения (омонимия) и, наоборот, разные знаки могут нести один смысл (синонимия) [7]. В каждом конкретном случае смысл знака связан с определенным контекстом. Трудность заключается в том, насколько верно мы сможем его «прочитать».

Швейцарский лингвист Ф. де Соссюр (1857-1913) разработал изучение знаков с точки зрения их упорядочивания в семиотических системах, чем и заложил основу современного семиотического подхода, который предполагает, во-первых, выявление знаковой природы изучаемого объекта и правил построения знаков, их комбинаций, отношений (синтаксический аспект), во-вторых, установление смыслового содержания, значения знаков (семантический аспект), в-третьих, исследование знаковых ситуаций, в которых проявляется функция знака (прагматический аспект). Отношения между знаками (синтактика) могут быть синтагматическими и парадигматическими. Синтагматические отношения выявляют постоянный набор элементов, присущий этой структуре, парадигматические — основные идеи изучаемой структуры. В рамках семиотической системы действуют синхронический и диахронический законы. Первый отображает существующий порядок вещей (непрочный и нестабильный), второй, наоборот, динамику объекта, его развитие и изменение во времени [8].

Погребальный обряд представляет собой одну из вторичных моделирующих систем, имеющих многоуровневую структуру, построенную по принципу дублирования основных смыслов через набор постоянных элементов (синтактика). Синтагматика погребально-поминального обряда выражается в алгоритме его реализации, в линейной последовательности блоков (предпохоронные обряды, похоронные обряды, поминальные обряды), которые строятся на фиксируемых стереотипных действиях. При анализе элементов погребально-поминального обряда обнаруживаются стереотипы, связанные с независимыми парадигматическими отношениями и выступающие, применительно к культуре, как универсалии. Исследование структуры позволяет создавать модели для изучения системы элементов погребального обряда, их основных функций и значений (прагматика, семантика).

Процесс реализации погребально-поминального обряда отражен в материальных следах действий (например, сжигание, размещение инвентаря и пр.) и вещах (яма, погребальное сооружение, инвентарь и пр.), которые для археолога являются знаками. Если в языковой структуре слово замещает объект, то в археологическом контексте сама вещь в погребении несет в себе смысл и является знаком (иконой-изображением, индексом, символом). Сложность работы археолога заключается в отыскании концепта (мировоззренческой установки, руководящей действиями людей и определяющей конечный материальный результат), то есть того значения, которое заключено в каждом элементе погребения. Установленная система концептов определяется в конечном итоге изучаемым контекстом (конкретным источником).

Археологические реконструкции в сфере духовной культуры могут быть плодотворными только с учетом привлечения мифологических материалов (в данном случае имеются в виду не только мифы, но и фольклор, обряды, обычаи и др. данные этнографии). Мифологические источники дают нам примеры мифологии, мыслительных конструкций и матриц. В нашем случае уместно вспомнить слова Д. Кэмпбелла о том, что миф начинается с образа смерти. Во всех мифологиях мир мертвых построен по модели мира живых, что расширяет возможности исследователя в поисках концептов. Человеку этого мира будет противостоять на первом уровне сам умерший, продублированный своим телом, одеждой, украшениями и пр.; дому — могила, являющаяся домом умершего: поселению — само пространство кладбища, которое мыслится как поселение мертвых; миру живых — мир мертвых.

При работе с мифологическими источниками неизбежно выявление множественности концептов каждого элемента погребального обряда. Ограничение поля значений сужается сознательным выбором определенного культурного кода. При реконструкции универсалий традиционного погребально-поминального обряда наиболее продуктивным представляется пространственно-временной код. Очевидный универсализм представлений о пространстве и времени обусловлен общими законами мироздания и единством природы человеческого мышления. Мерой пространства и времени в культуре является сам человек. Анализ мифологических материалов показывает, что пространственно-временные параметры материализованы в системе ориентаций. Их культивируемое количество в той или иной культуре всегда определено (две, три, четыре, пять и т. д.) представлениями о разворачивающемся пространстве вокруг человека и освоенной им частью мира (2-дневная, ночная стороны по горизонтали, 3 — верх, середина, низ по вертикали и т. д.). Эти реальные ориентации связаны с природными объектами (солнце, река, ветер, звезды) и имеют смысловое наполнение, проявляющееся в оппозициях верхний/нижний, задний/передний, правый/левый, мужской/женский, носящих ценностный характер (опасный/неопасный, благоприятный/неблагоприятный и т. д.). Все эти ориентации в погребении выражены в позе человека, в ориентации лицом или ногами, в расположении инвентаря и пр. Временной аспект в погребении проявляется как генеалогическое время (половозрастные параметры), календарное (ориентация по заходу и восходу солнца, изображения зверей, олицетворяющих сезонное время).

В системе пространственно-временного кода все элементы погребально-поминального обряда выступают в качестве вместилищ, указателей и «оживителей». Две первые позиции связаны с пространством, последняя — со временем. Вместилищами для посмертных субстанций человека (душ) выступают погребальная одежда, гроб, могила, кладбище, предметы инвентаря и пр. Указатели обеспечивают правильное перемещение покойника в мир мертвых (вниз по реке, под землю и пр.), служат определителями инаковости ситуации для мертвого (поза, одежда с надрезами, воткнутые в землю стрелы и пр.). Две первые функции также проявляются как ограничители или границы (употребление бересты, огня и пр. как изолятов мира мертвых от живых и пр.). Третья обеспечивает цикл возрождения, реинкарнации, возвращения и выражается в образах, связанных с архетипом бессмертия и являющихся как бы «оживителями» и сами как реальные объекты убедительно демонстрируют этот процесс. В качестве таковых выступают тотемы — Зверь, Солнце, Дерево. Самым существенным признаком «оживителей» является то, что они одновременно являются образами и моделями мира, принятыми той или иной культурой.

Предложенный выше алгоритм был апробирован в работе с двумя группами погребений конца VIII-XI вв. и XII-XVII вв. могильника Усть-Балык (Нефте-

юганский р-он Тюменской области). В результате были получены пространственно-временные модели на уровне человека (покойника), могилы (дома мертвого), древнего кладбища (поселения мертвых), в которых отразились основополагающие черты древнего мировоззрения населения каждой из хронологических групп.

Пространственно-временная модель погребально-поминального обряда VIII-XI вв. строится по центральному принципу. Пространство разворачивается от центра по горизонтали. Это проявляется в присутствии украшений и размещении инвентаря у верхней части тела умершего, которые вмещают и удерживают посмертную душу «живого» покойника. Особое внимание уделяется голове. Погребенные ориентированы лицом на дневную сторону по ходу солнца, которое выступает как жизнедающее начало. Универсальным организующим центром выступает солнце. Модель мира описывается через образ Солнца. В качестве числового кода модели мира выступают цифры «4-5».

Пространственно-временная модель погребально-поминального обряда XII-XVII вв. строится по вертикали. Тело человека делится поясными наборами на зеркальные верхнюю и нижнюю половины. Украшения и сопровождающий инвентарь выступают как вместилища и указатели. Все, что связано с низом (ноги покойного, острия наконечников стрел, ножей и пр.), направлено на ночную сторону, вниз, на север, северо-запад. Цикл возрождения через нижний мир моделируется деревом как принципом организации вселенной. Модель мира воплощена в образе Дерева. Здесь механизм возрождения реализуется через прохождение нижнего мира и возвращения, то есть по модели полного мирового дерева — из среднего мира в нижний (к корням), затем в верхний (по кроне) и нового проявления в среднем. В качестве числового кода модели мира выступает цифра «7».

Работа с универсалиями погребально-поминального обряда позволяет получить семантическую информацию, при ее кажущейся тривиальности именно она позволяет, как писал Д. С. Раевский, получить реальную возможность сделать следующий шаг в постижении культуры в ее индивидуальности [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1975. № 13. С. 42-72; Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формального анализа // КСИА. 1977. № 148. С. 16-23; Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М.: Наука. 1983. С. 221-250; Он же. Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. М.: Наука, 1986. С. 136-194.
2. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. 1986. С. 68-71.
3. Там же. С. 67-68.
4. Там же. С. 68-69; Он же. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 85.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 24.
6. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. СПб: Алетейя, 2000. С. 48, 79, 81-93; Он же. О знаках и категориях (Письмо к леди Уэлби) // Избранные произведения. М.: Логос, 2000. С. 163, 165, 171.
7. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 231.
8. Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 125-127.
9. Раевский Д. С. Мифологические универсалии как инструмент интеграции явлений архаической культуры // Международная конференция по первобытному искусству: Тез. докл. Кемерово, 1998. С. 48.